

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

С. Димитров, К. Манчев. История на балканските народи. XV—XIX век. София, 1971, 422 стр.

Балканский полуостров в природном отношении представляет единый регион. Бесспорно и бытовое и культурное единство населяющих его народов, сложившееся на ранних этапах этнической истории, когда большая часть Балканского полуострова была заселена родственными между собой иллиро-фракийскими племенами, с которыми активно взаимодействовали древнегреческие, романские и славянские этнические элементы. Разнообразные связи балканских народов друг с другом на протяжении средних веков и нового времени, общность исторических судеб — все это способствовало тому, что к моменту образования самостоятельных национальных государств и оформления национальных культур у жителей Балканского полуострова оказалось много общего в культурных традициях и образе жизни.

Для балканской этнографии в этой связи представляет большой интерес книга двух болгарских ученых, С. Димитрова и К. Манчева «История балканских народов». Авторы поставили перед собой задачу «дать единое систематизированное изложение основных процессов и фактов новой истории балканских народов» (стр. 6). С этой задачей болгарские историки успешно справились: перед читателем во всем многообразии и сложном переплетении проходят события жизни балканских народов на протяжении четырех веков. Только одно обстоятельство вызывает некоторую неудовлетворенность: адресуя свою книгу главным образом болгарскому читателю, и в первую очередь студенчеству, т. е. тем, кто черпает сведения по болгарской истории из других, более специальных исследований, авторы отмечают лишь основные моменты развития болгарского народа (стр. 6). У иностранного же читателя диспропорция в объеме материалов, касающихся болгар, с одной стороны, и остальных балканских народов — с другой (хотя и оправданная задачами книги), вызывает ощущение неполноты картины.

Хронологические рамки исследования — от XV до последней четверти XIX в., т. е. от турецкого завоевания до периода буржуазно-национальных революций и создания самостоятельных национальных государств. Для этнографического изучения Балкан это, пожалуй, самый интересный период, когда сформировались многие традиции, существующие в наше время.

В первых главах книги (стр. 13—33) дана общая характеристика позднего феодализма у народов Балканского полуострова, отмечены различные формы феодальной зависимости крестьянства. Авторы бесспорно правы, когда главным фактором, способствовавшим турецкому завоеванию Балкан, считают политическую разобщенность средневековых балканских государств, борьбу между отдельными феодалами. Им противостояла Османская империя — «...единое централизованное государство, цельная экономическая и политическая организация. Завоеванные территории приносили неисчислимые богатства османскому феодальному классу, что стимулировало новые завоевания» (стр. 31).

Турецкое завоевание внесло коренные изменения в развитие балканских народов буквально во всех аспектах жизни — экономическом, политическом, культурном. Кроме того, авторы пишут об изменении демографической ситуации на Балканах: колонизации славянских земель тюркско-огузским и татарским этническими элементами (в северо-восточной Болгарии, Добрудже) и исламизации местного населения (прежде всего это касается Боснии и Герцеговины). Однако мусульмане всегда составляли меньшинство: в начале XVI в. тюркский этнический элемент был равен 14—15% всего населения Балканского полуострова; в середине XVI в. в этом регионе насчитывалось 805 тыс. домохозяйств немусульман и всего 108 тыс. мусульманских домохозяйств (стр. 73—74). Даже в районах массовой исламизации она не приводила к ассимиляции исконных обитателей этих мест, не затрагивала язык и не нарушала связей с соседними группами населения (стр. 75).

Авторы, к сожалению, не задаются целью ответить на вопрос, почему массовой исламизации подверглись лишь некоторые области Балканского полуострова. Они справедливо указывают несколько причин исламизации. Безусловно, правильно подчеркнуто экономическое давление как главный фактор исламизации. К нему добавлялись также такие, как отправка детей христиан в янычарский корпус, помещение женщин и мальчиков в гаремы (стр. 75). Но ведь эти факторы действовали повсеместно. Не помогает осветить вопрос также ссылка на тюркскую колонизацию — в Боснии и Албании ее не было. Не очень убедительно обращение к фактам албанской истории. В Албании после смерти Скандербега, руководившего союзом албанских феодалов, оказавшим ожесточенное сопротивление турецким завоевателям, и покорения турками албанских земель часть феодалов, продолжавших сопротивление, была физически истреблена, другие эмигрировали в Италию, куда направилось множество беженцев всех сословий (стр. 74). Оставшиеся в Османской империи пытались приспособиться к новым порядкам, принимали ислам ради сохранения или приобретения земель, имущества, общественного положения (так было и в Боснии). Но надо помнить, что наибольшая исла-

мизация населения происходила в XVI—XVII вв., во времена, достаточно отдаленные от эпохи Скандербег. Конечно, нельзя при этом забывать и о таких фактах, справедливо отмеченных в рецензируемой книге, как переход в ислам богомилов, в значительном числе живших в Боснии (стр. 270), выселение мусульман из Сербии в 60-х годах XIX в. в связи с сербско-турецким конфликтом (стр. 371).

Все перечисленные причины исламизации, даже взятые вместе, не дают исчерпывающего объяснения массовой исламизации отдельных областей Балканского полуострова. По всей вероятности, объяснение этого следует искать в первую очередь в неравномерности политического и этнического развития балканских народов, в разной степени общественной консолидации и уровня национального сознания.

Феодалы, особенно крупные, а также торговцы, чиновники и другие имущие лица из среды покоренных народов по существу вошли в привилегированные слои Османской империи. В противоположность им народные массы не мирились с положением неполноправной категории подданных (райи). Их протест принимал разнообразные формы и по сути дела не затихал никогда. Эта мысль проходит красной нитью через все повествование. Более того, специальные главы посвящены освободительной борьбе: «Освободительные и антифеодальные движения покоренных балканских народов в XV—XVII вв.» (стр. 94—109), «Сербское восстание и развитие сербского государства в первой половине XIX в.» (стр. 208—232), «Греческое восстание и освобождение Греции» (стр. 233—258), «Черногория в борьбе за независимость» (стр. 259—269), «Национально-освободительное движение балканских народов в 50—60-е гг. XIX в.» (стр. 336—385).

Очень правильно поступают болгарские ученые, когда не отрывают событий на Балканах от исторического развития самого турецкого народа, показывают, как повстанческое движение райи совпадало с антифеодальными движениями турецких трудящихся масс (стр. 99). Стихийное сопротивление усиливалось в те годы, когда многочисленные войны Османской империи шли с переменным успехом (стр. 94). Тогда активизировались гайдуки в Болгарии, ускоки в Сербии, клефты в Греции (цуби в Албании.— Ю. И.). В связи с характеристикой освободительного движения авторы подчеркивают, что те небольшие области, которые добивались автономии и становились фактически почти независимыми от Порты, это по преимуществу замкнутые горные районы, населенные свободными общинниками. Такими были область Мани, расположенная в южной части хребта Тайгет на Пелопоннесе, Химара на юге Адриатического побережья, высокогорный район Северной Албании (стр. 94—95).

Непрерывающаяся освободительная борьба балканских народов против турецкого засилья смыкалась с антифеодальным движением трудящихся масс. На ее подъеме и спады нередко оказывало воздействие вмешательство европейских держав и многочисленные войны на Балканском полуострове, в результате которых менялся политический статус отдельных областей. В рецензируемой книге это положение прекрасно показано на примере войн конца XVII — начала XVIII в. (стр. 96—108). В этот период греческий народ уповал на помощь Венеции, которая вела войну против Турции. На Пелопоннесе, захваченный венецианцами, переселялись тысячи греков (за 20 лет население увеличилось на 200 тыс. чел.). Но Республика св. Марка, оказывавшая грубый нажим на греков, стремившаяся склонить их к католичеству, разочаровала греческий народ. Во время войны 1715 г. греки не оказали сопротивления туркам, и Пелопоннес снова отошел к Османской империи.

Второй пример этого рода — влияние Великой Французской революции и наполеоновских войн на политическое и идеологическое развитие балканских народов (стр. 174—190). Они познакомились с буржуазным правопорядком, новыми для них демократическими идеями, греческая буржуазия была вовлечена в средиземноморскую торговлю и этим укрепила свои позиции. Возникли надежды на скорое падение Османской империи. Все это дало новый толчок национальному движению.

Но, как известно, Османская империя просуществовала еще 100 лет, пройдя мучительный путь внутренних распрей, дворцовых переворотов, административных, военных и финансовых реформ, направленных на приспособление экономики и политики к обстановке в Европе. В течение XIX в. на развалинах Османской империи создавались самостоятельные национальные государства — Греция, Сербия, Черногория, Болгария. С. Димитров и К. Манчев удачно рисуют историю этих государств, возникавших в ходе национально-освободительной борьбы с турецким государством, а также с Австрией и позже Австро-Венгерской империей (стр. 233—269, 336—385). Они подчеркивают трудности во взаимоотношениях молодых балканских государств, возникавшие вследствие национализма и шовинизма правящих кругов. Не оставлено без внимания и энергичное вмешательство в балканские дела великих держав, руководствовавшихся эгоистическими стремлениями. В этих условиях оказался выскочкой авторитет России, которая в своей балканской политике стремилась к аннексии, а к укреплению престижа среди балканских народов, упрочению своей роли «покровительницы» христиан. С этой целью Россия поддерживала национальные государства. Объективно такая политика совпадала со стремлениями самих народов, что и объясняет их прорусскую ориентацию (стр. 393—394).

Особый интерес для этнографии балканских народов имеет глава «Возрождение балканских народов» (стр. 127—154). Авторы указывают на распыленность самого термина «Возрождение», на различный смысл, вкладываемый в это понятие представите-

лями разных школ. Болгарские ученые предлагают понимать этот термин как «совокупность экономических, социальных, политических и культурных процессов, составляющих содержание переходного периода от феодализма к капитализму» (стр. 127). Дать общую характеристику этой эпохи на Балканах очень трудно из-за неравномерности названных процессов в различных районах полуострова, воздействия чужеземного господства и ряда других факторов.

Авторы предлагают следующие хронологические границы эпохи балканского возрождения, хотя и оговариваются, что единые границы для всего региона провести невозможно в силу асинхронного развития его отдельных областей. Началом эпохи предлагают считать середину XVIII в., когда Греция, Словения, Хорватия и румынские княжества завязали торговые связи с Западной Европой, испытали влияние западного просветительства, оживились взаимоотношения между балканскими народами. Между тем в недрах господствующей турецкой нации капиталистические отношения и буржуазная идеология начали формироваться только к середине XIX в. С еще большей степенью условности можно определить конец эпохи балканского возрождения, который приходится на время возникновения национальных государств и утверждения в них капиталистического строя. Для Греции и Сербии таким периодом были 30-е годы XIX в., а для Албании — первые десятилетия XX в. Обобщая события балканской истории, авторы рецензируемого труда предлагают принять в качестве исковой границы русско-турецкую войну 1877—1878 годов и Берлинский конгресс (стр. 128—129). Можно спорить с отдельными конкретными соображениями и формулировками авторов, но сама попытка дать обобщенную характеристику периода формирования капитализма на Балканах в целом заслуживает внимания.

Очень интересна и плодотворна для дальнейших научных исследований мысль о «торговой основе» (кавычки авторов книги) балканского возрождения. И действительно, в XVIII в. было очень мало предприятий капиталистического типа, и развитие товарно-денежных отношений, формирование буржуазной идеологии, светской культуры, рост городов и т. д. — все это зависело не от уровня промышленного производства, а главным образом от развития торговли (стр. 131—138).

Рецензируемая работа заканчивается главой «Балканские народы во время Восточного кризиса 1875—1879 годов» (стр. 386—413). За этим периодом, по мнению авторов, начинается принципиально новый этап в истории Балкан, так как в результате развития империализма в Европе «почти все балканские государства попали в прямую финансовую зависимость от империалистических держав» (стр. 8).

Ю. В. Иванова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Proto-Indica: 1972, ч. I и II. М., 1972, 378 стр.

Недавно вышедший новый сборник по проблемам протоиндийской письменности является четвертой публикацией советских исследователей¹, не считая статей, помещенных в индийском журнале «Journal of the Tamil Studies» (Мадрас). «Proto-indica: 1972», несомненно, самая обширная и значительная из упомянутых работ, свидетельствующая о том, что советские ученые поднялись на новую ступень в изучении древних письмен долины Инда. Сборник содержит десять статей, 22 листа таблиц с иллюстративным материалом, библиографические списки.

Удачно открывает сборник статья Н. В. Гурова «Изучение протоиндийских текстов». В ней рассматривается история изучения протоиндийских надписей с того времени, как они были впервые открыты. Названная кратким обзором, статья эта фактически содержит очень внимательный анализ работы различных исследователей, в разное время обращавшихся к расшифровке протоиндийской письменности; в ней учтены все основные труды в этой области, охарактеризованы различные методы в подходе к проблеме. Содержательной критике подвергнуты работы представителей так называемой «тантристской» школы; убедительно показано методическое несовершенство любых предвзятых, априорных решений о происхождении языка и культуры протоиндийского периода.

Вторая работа Н. В. Гурова, «Именное склонение в дравидийских языках и микропарадигма протоиндийских текстов (опыт сопоставления)», включает в себя, по сути

¹ См.: «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965; «Proto-indica: 1968. Brief report on the investigation of the Proto-Indian texts»; М., 1968; «Proto-indica: 1970», М., 1970. См. также рецензии: Н. Кнѣзкова, One more step towards the deciphering of the Proto-Indian script, «New Orient», 1966, № 5; Н. В. Гуров, Т. Е. Катенина, Новый этап в изучении протоиндийских надписей, «Сов. этнография», 1967, № 2; С. Г. Рудин, В. Г. Эрман, «Proto-indica: 1968, «Сов. этнография», 1970, № 1.